
П.А. Ореховский

РОССИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ (1985–2008)
В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ
«ПЕРИФЕРИЙНОГО КАПИТАЛИЗМА»

Москва
Институт экономики РАН
2025

Рецензенты:
д.э.н. Г.Д. Гловели,
к.э.н. Д.В. Мельник,
д.э.н. Ю.Г. Павленко

Ореховский П.А. Российская экономическая мысль (1985–2008) в свете концепции «периферийного капитализма»: Научный доклад. — М.: ИЭ РАН, 2025. — 46 с.

ISBN 978-5-9940-0794-5

В докладе представлена схематичная ретроспектива развития отечественной экономической мысли в период 1985–2008 гг. с позиций концепции периферийного капитализма. В первой части представлены основные идеи одноимённой работы Р. Пребиша, включая специфику накопления для увеличения структурного излишка, регрессивную социальную конкуренцию, фиксирующую разнородность экономики, социальную инфляцию, особенности условий мировой торговли. Во второй части рассматриваются советские дискуссии, темами которых был эгалитаризм, бюрократизм, расширение прав предприятий. Демонстрируется, что критика бюрократизма полностью совпадает с характеристикой особенностей социализма, представленной Л. фон Мизесом. Программа «500 дней» уже фиксирует отказ от социализма и переход к созданию экономики с ориентацией на внешнюю зависимость от стран «центра». В третьей части даётся характеристика дискуссий вокруг гиперинфляции, взаимозачётов, неплатежей и политики «валютного коридора». Фиксируется быстрая трансформация экономической структуры и появление олигархов. В это время начинает развиваться институциональный анализ. В. Полтерович вводит в оборот понятие «институциональная ловушка». В четвёртой части приводится описание идеи «выращивания институтов» и появление гетеродоксальной критики мейнстрима, различия между модернизационным и цивилизационным подходами. В заключении констатируется сходство между социологическим делением мировой, провинциальной и туземной науками, предложенное М. Соколовым и К. Титаевым и концепцией периферийного капитализма.

Ключевые слова: периферийный капитализм, социализм, бюрократия, либерализм, приватизация, инфляция, олигархи, институциональные ловушки, цивилизационный подход, когнитивные структуры.

Классификация JEL: B29, B49.

Orekhovsky P.A. Russian Economic Thought (1985–2008) in Light of the Concept of «Peripheral Capitalism»: Scientific Report. — M.: Institute of Economics RAS, 2025. — 46 p.

The report presents a schematic retrospective of the development of domestic economic thought in the period 1985–2008 from the standpoint of the concept of peripheral capitalism. The first part presents the main ideas of the work of the same name by R. Prebisch, including the specifics of accumulation to increase structural surplus, regressive social competition that fixes the heterogeneity of the economy, social inflation, and the specifics of the conditions of world trade. The second part examines Soviet discussions on egalitarianism, bureaucracy, and the expansion of rights the enterprises. It demonstrates that the criticism of bureaucracy is entirely consistent with the description of the characteristics of socialism presented by L. von Mises. The «500 Days» program already records the rejection of socialism and the transition to the creation of an economy oriented toward external dependence on the countries — centers of the West. The third part describes the discussions around hyperinflation, mutual offsets, non-payments, and the «currency corridor» policy. The rapid transformation of the economic structure and the emergence of oligarchs are recorded. At this time, institutional analysis begins to develop. V. Polterovich introduces the concept of «institutional trap». The fourth part describes the idea of «growing institutions» and the emergence of heterodox criticism of the mainstream, the differences between the modernization and civilizational approaches. In conclusion the similarity between the sociological division of world, provincial and indigenous sciences proposed by M. Sokolov and K. Titaev and the concept of peripheral capitalism is noted.

Keywords: peripheral capitalism, socialism, bureaucracy, liberalism, privatization, inflation, oligarchs, institutional traps, civilizational approach, cognitive structures.

JEL Classification: B29, B49.

- © Ореховский П.А., 2025
- © Институт экономики РАН, 2025
- © Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
«Периферийный капитализм» Рауля Пребиша как самостоятельная политико-экономическая модель.....	8
Вторая половина 1980-х годов: кризис левой экономической мысли и «возврат на путь цивилизованного развития».....	17
1990-е годы: олигархи и появление «институциональных ловушек»	25
2000-е годы: мейнстрим, «лучшие практики» и гетеродоксы	33
Заключение: продуктивность метафор «провинциальной» и «туземной» науки	39
Литература	41

ВВЕДЕНИЕ

Постсоветская экономическая наука в России прошла большой путь, если принять за точку отсчёта середину 1980-х годов с доминировавшей в то время политической экономией социализма. В отличие от сравнительно однородного марксистского теоретизирования нынешние экономисты придерживаются самых разных исследовательских программ. Судя по конференциям и публикациям, отечественные дискуссии сегодня мало чем отличаются от зарубежных: микроэкономические проблемы пересматриваются под углом эффектов цифровой экономики и экономики внимания (*Шашитко, Моросанова, Маркова, 2022*), гетеродоксы традиционно нападают на мейнстрим, на этот раз активно используя аппарат нарративной экономики (*Вольчик, 2025*), макроэкономисты — как и во всех странах — недовольны политикой Центрального банка. Редкая публикация обходится без изощрённой эконометрики (*Капелюшников, 2018*). Налицо привычная картина активной научной жизни, дополняющаяся соперничеством школ и нюансами межличностных отношений отдельных исследователей.

Попытаемся представить себе советского продвинутого экономиста-теоретика (например, политического экономиста социализма, в то же время неплохо знакомого с критикой буржуазных теорий) образца 1985–1987 гг., попавшего в наши дни. Он скорее всего был бы сильно удивлён практически полным отсутствием споров о природе российского политико-экономического устройства. Существует неявный консенсус, что в России действуют «порядки

ограниченного доступа» по Норту с соавторами (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011), и доминируют «экстрактивные институты» в соответствии с концепцией Аджемоглу и Робинсона (Аджемоглу, Робинсон, 2015). Тем самым признаётся неэффективность российских экономических институтов, которые подлежат перманентному реформированию — получается, что с середины 1980-х гг. в этом отношении продвинулись не так уж сильно и аналог очередной программы «500 дней» может оказаться вновь востребован.

Поиски альтернативного подхода любопытным экономистом из советского прошлого позволили бы ему обнаружить ещё один консенсус: в России «построен капитализм». Учитывая то, что в СССР образца 1980-х годов большинство теоретиков придерживались мнения о верности стадияльной схемы смены способов производства и общественно-экономических формаций, где капитализм представлялся отсталым и эксплуататорским устройством, новая стадия развития России, по-видимому, показалась бы нашему теоретику весьма странной. Учитывая то, что упомянутая стадияльность остаётся популярной у большинства экономистов институционального направления и сейчас, у политэконома из 1980-х гг. возникли бы принципиальные методологические вопросы. Если капитализм в России пришёл на смену социализму, то что это за капитализм? Если это тот капитализм, от которого страна отказалась ещё в 1917 г., то почему рабочий класс, крестьянство и интеллигенция согласились с социальным регрессом, а если это — другой капитализм, то почему экономисты практически не обсуждают его специфику?

Напротив, объединение BRICS, как и роль России в качестве поставщика сырья и продукции «первого передела» скорее всего были бы восприняты как должное. Траектория экономического роста: трансформационный кризис 1990-х гг. в условиях низких сырьевых цен, экономический рост в условиях роста цен на энергоресурсы в 2000-х гг., возникновение геополитического напряжения после войны «08.08.08», применение международных санкций после 2014 г., введение российских контрсанкций, арест российских зарубежных активов и вал очередных санкций после 2022 г. вполне укладываются в рамки соревнования — сосуществования двух мировых систем, включая предложенные гетеродоксами институциональные X–Y матрицы (Кирдина, 2001). Определённое приятное

удивление вызвало бы возвращение России на мировой рынок как важного поставщика продовольствия, что опять-таки вернуло бы ретроспективу отечественного капитализма до 1917 г. Но в целом положение России в международной торговле не так уж сильно изменилось по сравнению с 1970-ми годами.

Если от уровня обсуждения природы экономического устройства России и её роли во взаимодействиях с другими национальными экономиками перейти к некоторым из острых вопросов, которые сильно волновали теоретиков в 1980-х годах, то можно будет выделить ещё несколько феноменов, которые могли бы удивить советского политэконома. Думается, это, с одной стороны, ликвидация товарного дефицита (российское потребительское изобилие), а с другой стороны, сохраняющаяся достаточно долго высокая инфляция. Даже учитывая знания советских экономистов об уровнях инфляции 1970-х годов в богатых западных странах, потребительское изобилие тогда устойчиво связывалось с «перепроизводством», которое, как тогда считалось, должно было оказывать сдерживающее влияние на цены. Но в постсоветской России «так не работает».

В продолжение темы насыщенного рынка товаров и услуг можно предположить, что наш экономист скорее всего был бы удивлён как объёмами жилищного строительства, так и нынешними возможностями аренды жилья и ипотекой. Последние, возможно, привели бы его к мысли о том, что в «капиталистической» России горизонтальная мобильность населения во много раз выше, чем в России «социалистической».

Вероятно, одной из самых любопытных тем для обсуждения с «гостем из прошлого» была бы тема «российской олигархии». Скорее всего наш политэконом попытался бы оперировать понятиями «партноменклатура» и «власть — собственность»¹, а также вспомнил бы о начавшейся ещё в 1988 г. «борьбе с партийными привилегиями». Однако наличие частной собственности, свободы слова и многопартийности, которые защищаются Конституцией, вызвали бы у него состояние, сходное с когнитивным диссонансом.

1. «Номенклатура» М. Восленского ходила в самиздате уже в 1970-е годы (Восленский, 1991). Тогда же, в 1970-е гг. начинаются и дискуссии об азиатском способе производства и «власти собственности» (см., например: (Васильев, 1982; Нуреев, 1977)).

Скорее всего он стал бы спрашивать, чем олигарх отличается от просто (очень) богатого человека, а заодно стал бы ссылаться на известную работу В.И. Ленина, пытаясь охарактеризовать российскую экономику как «государственно-монополистический капитализм» (Ленин, 1969).

По моему мнению, основные черты российской экономической модели хорошо описываются старой версией латиноамериканского структурализма, представленной, в частности, в книге Р. Пребиша «Периферийный капитализм» (Пребиш, 1992). В силу ряда обстоятельств (среди прочего — она была переведена на русский и вышла в 1992 г., во время острого политического, финансового и социально-экономического кризиса) она не вызвала широкого обсуждения среди российских экономистов. И хотя периферийный капитализм никак не мог выступать (и даже всерьёз публично обсуждаться) в качестве *цели* политико-экономического строительства, которое велось как российскими либералами, так и государственниками, я полагаю, что сама логика «переходного периода», начавшегося в середине 1980-х годов, обусловила распространение этой модели на пространстве бывшего СССР.

У стран нынешнего BRICS есть много общих черт, которые, собственно, и позволили появиться на свет этому неожиданно объединению. Каждая из них представляет свою собственную экономическую модель, в чём-то отвечающую, а в чём-то сильно противоречащую тому, что сейчас, так или иначе, понимается под «периферийным капитализмом». Возможно, старые идеи были бы полезны для решения задач современной компаративистики, но, возможно, и нет. Целью данной работы является не собственно компаративистика, а очень скромная и весьма схематичная ретроспектива российской реформаторской экономической мысли и сравнение отечественных идей с теми, которые в своё время высказывались Р. Пребишем и другими представителями «экономики развития». В первой части даётся краткая характеристика «периферийного капитализма» в отличие от некоего «идеального» рыночного хозяйства, во второй и последующих частях приводятся отечественные концепции, которые были популярны в постсоветской России в разное время. Заключение посвящено размышлениям о существующем в России «карго-культе» мировой науки.

«ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КАПИТАЛИЗМ» РАУЛЯ ПРЕБИША КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Рауль Пребиш, как и большинство экономистов его времени, начинал как «мейнстримный» экономист. Сам он пишет: «Я неоднократно говорил, что был глубоко убеждённым неоклассиком. Я верил и продолжаю верить сейчас в преимущества идеальной конкуренции и в техническую эффективность рынка, а также в его большое политическое значение. Но периферийный капитализм далёк от всего этого. И наблюдения над действительностью убедили меня в том, что неоклассические теории не позволяют ни понять, ни разрешить трудных проблем, порождаемых периферийным капитализмом.

Мне стоило больших усилий отойти от этих теорий и объяснить путём интеллектуально независимого анализа феномен периферийного развития, и на этом пути я столкнулся и продолжаю сталкиваться с большими трудностями» (Пребиш, 1992. С. 236).

В чём же основные теоретические новации Пребиша? Сам он выделяет следующие пункты разногласий с неоклассиками: 1) проблемы распределения доходов, 2) механизм накопления капитала, 3) роль рынка в национальном развитии и международной торговли (Там же. С. 238). Однако в ретроспективе, на мой взгляд, стоит особо выделить его представления о «социальной» инфляции, потребительских стандартах элиты, противоречиями между распределением ренты и демократией — новациями, которые отчасти забыты, а отчасти — неоднократно переоткрыты уже другими авторами.

Центральным понятием концепции Пребиша является понятие «излишка», которое, по экономическому смыслу, напоминает ренту². Причины его появления несколько иные, нежели простое отклонение предельной производительности ресурсов от их цен: «возможность использования плодов технического прогресса ослабляется по мере перехода на низшие уровни социальной структуры, что усугубляется конкуренцией среди рабочей силы, используемой в секторах с менее производительной технологией. Роль конкуренции повышается с ростом доли менее квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы. Речь идёт, если вдуматься, о *социально регрессивной конкуренции* (курсив мой. — П.О.).

«То обстоятельство, что значительная часть трудящихся... связана с технологиями низшей производительности, является всё более серьёзным препятствием росту заработной платы в соответствии с ростом производительности труда.

Так возникает феномен структурного излишка. Мы можем определить его как ту часть растущей производительности, которая ... остаётся в руках собственников средств производства помимо оплаты их предпринимательской деятельности, включая оплату способностей, инициативы, динамизма, а также платы за риск.

...В общепринятых теориях проводится чёткое различие между указанной оплатой труда предпринимателей и предпринимательской прибылью. Предполагается, что последняя имеет тенденцию к исчезновению в результате конкуренции, если система ориентируется на динамическое равновесие. Именно в этом случае выявляются различия между понятием прибыли, имеющим переходящий характер, и категорией излишка, который сохраняется...» (Там же. С. 56–57).

Пребиш утверждает, что рост доходов рабочих отстаёт от роста производительности. Сам по себе этот феномен вполне может иметь место во время индустриализации. Далее он утверждает: «Именно в этом истоки общества, которому присущи привилегии в потреблении. Дело в том, что в процессе развития опережающий рост излишка

-
2. Учитывая то, что рента в СССР отождествлялась прежде всего с земельной рентой, переводчики использовали термин «излишек». Тем не менее в современных условиях и «излишек», и «рента» являются весьма многозначными категориями. Однако общим остаётся то, что авторы отличают их как от «оплаты труда», так и от «прибыли».

позволяет собственникам средств производства, главным образом в высших слоях, так же как и высококвалифицированной рабочей силе, увеличивать своё потребление — в ущерб потреблению других, не обязательно снижая темпы накопления капитала» (Там же. С. 59). Но и в этом нет ничего особенно оригинального. В своё время исследования С. Кузнецца показали, что период ускорения экономического роста, связанного с индустриализацией, сопровождается увеличением дифференциации доходов (коэффициента Джини) и только после довольно длительного периода эта дифференциация начинает снижаться. Соответствующее статистическое наблюдение даже получило название «кривая Кузнецца» (*Kuznets*, 1955). Пребиш на неё не ссылается, хотя он вряд ли не был знаком с соответствующими работами.

Но дело не только в росте дифференциации. Пребиш видит основную проблему в том, что большая часть ренты (излишка) направляется на непроизводительное потребление привилегированных слоёв, вместо того чтобы инвестироваться в расширение производства и занятости: «Если бы излишек был предназначен только для накопления репродуктивного капитала³, то речь шла бы о капитализме воздержания, при котором собственники средств производства, преодолевая соблазны центров, полностью используют возможности накопления, имеющиеся в их распоряжении... Периферийному капитализму воздержание не присуще... Собственники средств производства находятся под влиянием двух противоположных тенденций. Одна из них стимулирует увеличение накопления капитала для укрепления их экономической мощи и расширения деятельности, тогда как другая способствует постоянной имитации стандартов потребления центров» (Там же. С. 61–62). Здесь надо пояснить, что под «центрами» Пребиш понимает в первую очередь столичные города Запада.

Особенности социальной инфляции, по Пребишу, — это «инфляция, которая возникает на основе борьбы за перераспределение дохода» (Там же. С. 118). Рост зарплаты требует от властей, как считает Пребиш, предоставления фирмам дешёвых кредитов, в результате растут и объём производства, и зарплата, и цены. Если

3. Под этим капиталом Пребиш, как следует из общей логики изложения, подразумевает основной капитал фирм реального сектора.

же денежные власти отказываются идти фирмам навстречу, то фирмы вынуждены поднимать зарплаты за свой счёт, после чего повышенные издержки на оплату труда вынуждают их сокращать производство товаров и услуг: «ограничение кредита вынуждает предприятия ... использовать часть денежных средств для покрытия расходов, обусловленных ростом зарплаты в ходе инфляции. Отсюда негативное воздействие и на накопление, и на занятость, и на состояние производства...

...Ограничение выпуска денег повлечёт за собой сужение спроса. Но его социальное содержание будет различным. Спрос со стороны занятых... будет увеличиваться за счёт тех, кто лишается источников дохода вследствие ослабления темпов роста производства и занятости. А если бы одно компенсировалось бы другим, то увеличение зарплаты не сказалось бы на ценах. Если бы имелась полная компенсация, спираль была бы устранена.

...Критическая граница достигается тогда, когда перераспределение дохода на основе давления трудящихся распространяется на весь прирост производства... когда была достигнута критическая граница, объём излишка был максимальным. Как при таком положении противиться стремлению трудящихся к реальному перераспределению? Можно ли препятствовать их усилиям получить компенсацию за возросшие налоги государства?... И надо ли это делать ради того, чтобы высшие слои продолжали увеличивать свои накопления и своё привилегированное положение?

Отсюда — острая проблема социальной справедливости, которую существующий режим присвоения и перераспределения не позволяет решить... Инфляционная спираль не является, конечно, решением. Хотя это и выход, но с каждым разом всё более затруднительный» (Там же. С. 121–122).

Социальная инфляция, по Пребишу, — результат борьбы трудящихся за свою долю в потреблении, по сути, за долю фонда оплаты труда в ВВП. Но такая борьба подрывает возможности роста «излишка», который необходим как для накопления, так и для потребления «привилегированных классов». Такие представления, конечно, очень далеки от оптимистичной формулы Дж.Б. Кларка о распределении национального дохода на основе предельной производительности факторов производства (Кларк, 1992).

Социальная инфляция дополняется и укрепляется «инфляционными налогами» (акцизами, налогами на добавленную стоимость и т.п.). Попытки государства провести налоги, которые затрагивали бы привилегированную часть общества, по Пребишу, будут встречать очень сильное сопротивление. Кроме того, эта же самая часть будет выступать за бюджетный дефицит и рост долга, так как и эти феномены будут перекладывать издержки инфляции на основную массу трудящихся.

Фактически Пребиш утверждает, что экономическая модель периферийного капитализма не допускает сокращения излишка — «рентных доходов»; они должны всё время увеличиваться, только в этом случае модель остаётся устойчивой⁴. И именно необходимость поддерживать рост излишка делает социальную инфляцию непобедимой: «Одна из первоочередных целей применения силы — борьба с инфляцией; фактически же всё это в конечном счёте обеспечивает основные условия для непрерывного возрастания излишка. (Таково моё твёрдое убеждение, которое, говоря по правде, остаётся неизменным)... Инфляционная спираль продолжает упрямо раскручиваться, даже если иногда и удаётся её немного сдержать.

Интересы господствующих классов требуют возрастания излишка, и его дополнительный рост достигается следующим путём: увеличение заработной платы трудящихся ограничивается и сдерживается с помощью определённой политики государства, в то время как движение цен находится целиком во власти рыночной стихии. В таких условиях — особенно если это твёрдо проводится в жизнь — повышение цен как раз и обеспечивает возможности возрастания излишка» (Там же. С. 134). Любопытно, что Пребиш указывает в качестве источника инфляции не только традиционный дефицит бюджета, но и разбухание кредитования в частном секторе, особенно потребительского кредитования.

Особое место в концепции занимает финансово-кредитная политика и проблемы внешней торговли. Для борьбы с инфляцией увеличиваются процентные ставки, что способствует росту прибыль-

4. Современные российские политические философы опубликовали книгу на эту тему, во многом совпадающую с выводом Пребиша о необходимости излишка для устойчивости системы: (Фишман, Мартынов, Давыдов, 2019). Естественно, что Пребиш и структуралисты не попали в список использованной авторами литературы.

ности банковского сектора (Пребиш подчёркивает, что в основе кредитных ресурсов по большей части лежат не «реальные накопления», а свободные средства, возникающие в процессе «социальной инфляции»). Кроме того, «высокие ставки привлекают на счета банков финансовые ресурсы из-за границы, что в определённой степени смягчает эффект рестрикционных мер. В таких условиях огромные прибыли получают и банки, и финансовые компании, и крупный предпринимательский капитал, имеющий доступ на рынок евро-валют» (Там же. С. 141). При этом финансовый капитал, имеющий доступ к дешёвым зарубежным кредитным ресурсам «экспроприирует» часть капитала реального сектора: «представители финансового капитала, проводя политику высоких процентных ставок, осуществляют своеобразную экспроприацию по отношению к той части предпринимательского производственного сектора, которая благодаря замораживанию зарплаты трудящихся в инфляционных условиях восстановила реальную величину своего излишка и оказалась в более выгодном положении... Значение вышеуказанного явления простирается далеко за рамки простых финансовых манипуляций, оно высвечивает важные изменения структурного характера... экономика ослабевает, а общество привилегированного потребления набирает силу, растёт, пополняется за счёт новых и новых могущественных социальных групп... Особо хочу отметить роль притока финансовых средств из-за рубежа: он способствует широкой либерализации импорта, снижению пошлин, что неизбежно отрицательно сказывается на национальной промышленности» (Там же. С. 143–144). При этом попытки обуздать инфляцию за счёт завышенного курса национальной валюты и притока импорта Пребиш оценивает резко отрицательно: «Вряд ли можно найти политику, которая была бы столь нецелесообразна, как эта; завышение валютного курса проводится, чтобы сдержать инфляцию, но оно вызывает рост импорта и ослабление экспорта страны, что отрицательно сказывается на темпах роста производства. В итоге получается, что предложение сокращается, а разбухший в условиях инфляции спрос ещё более разрастается» (Там же. С. 145).

Конечно, периферийные страны прибегали к помощи государственного планирования, на котором Пребиш делает особый акцент, говоря о «технобюрократии». Но эйфория начального периода сменялась разочарованием. Один из существенных факторов последнего:

«Речь идёт о тенденции к несбалансированности внешнеэкономических отношений. Развитие периферии в годы процветания, предшествовавшие депрессии, охватившее центры системы, происходило в весьма благоприятной внешней обстановке. В частности, соотношение мировых цен складывалось в целом в пользу периферии, приносила успехи политика расширения экспорта готовых промышленных изделий, наблюдался и обильный приток финансовых ресурсов... распространи[лось] мнение[е], что тенденция к возрастающей несбалансированности внешнеэкономических отношений преодолена... с ослаблением прежней обеспокоенности ... слабее стали и основания, оправдывавшие применение планирования» (Там же. С. 167).

В свою очередь, в условиях демократии на периферии наблюдается чередование двух групп — популистов и либералов. Это также подрывает основы планирования, а заодно мешает проведению сколько-нибудь последовательной экономической политики.

Естественно, что описывая взаимоотношения «центров» и «периферии» Пребиш использует свою теорему, которая получила название «гипотезы Пребиша—Зингера». Суть её в том, что эластичность спроса на сырьевые товары в центрах значительно меньше, чем эластичность спроса на промышленные товары в странах периферии, что приводит к ухудшению условий торговли для «сырьевых» государств. Это сильно сказывается на структурах экономик периферийных стран, которые начинают всё сильнее зависеть в технологическом отношении от стран центра. Существенным фактором является и разобщённость стран периферии: «...Развивающимся странам не удалось создать рациональных форм разделения труда между собой. В той мере, в какой они не имели возможности осуществлять экспорт в центры в достаточных размерах, каждая страна налаживала своё собственное промышленное производство, не очень заботясь о связях с остальными странами» (Там же. С. 183).

Наконец, Пребиш указывает на отношения зависимости, которые возникают между центрами и периферией. При этом он подчёркивает, описывая роль транснациональных корпораций, что за экономическую отсталость отвечают *не центры, а элиты периферийных государств*. При этом важно, что наиболее существенными факторами зависимости являются, по Пребишу, *культурные и идеологические факторы*. В результате возникает то, что он

называет «имитационным капитализмом»: простые заимствования хозяйственных практик центров не позволяют периферии преодолеть существующий разрыв в развитии.

Таким образом, модель периферийного капитализма основана на большой структурной неоднородности экономики, которая должна была бы постепенно исчезнуть в процессе индустриализации, но этого не происходит в силу ряда причин. Разрывы между различными сегментами такой экономики являются источниками ренты для акторов, которые могут присутствовать на разных рынках, используя «социально регрессивную конкуренцию» для сдерживания роста оплаты труда. Борьба работников за повышение оплаты труда приводит к социальной инфляции, которую в отличие от обычной монетарной инфляции не удаётся победить с помощью традиционных методов. Всё это сильно отличается как от неоклассических, так и от кейнсианских представлений о функционировании рыночной экономики, не говоря уже о марксизме.

Периферийный капитализм может показывать достаточно высокие темпы экономического роста — об этом писал уже другой авторитетный автор, А. Хиршман. Этот рост основан на «структурной несбалансированности» (*Hirschman, 1958*), что позволяет не только сохранять, но и постоянно увеличивать объём распределяемой ренты (структурного излишка).

Правящий класс копирует стандарты потребления, принятые в богатых странах. Это распространяется и на получение образования, и на медицинские услуги — и то, и другое необходимо получать на Западе. Политическая система является хрупкой демократией — популистов сменяют либералы, и наоборот; каждая из влиятельных партий воспроизводит один или другой тип ошибочной экономической политики.

В отличие от стран центра, где экономики следуют центростремительным тенденциям и пользуются благами экономической интеграции, страны периферии разрознены и не могут организовать сколько-нибудь эффективное взаимодействие между собой. Они пытаются вписаться в компанию к центрам, что приводит к потерям вследствие постепенного ухудшения условий торговли.

Такая характеристика во многом пересекается с трёхчленной характеристикой мир-системы, предложенной И. Валлерстайном

(страны ядра, полупериферии, периферии) (Валлерстайн, 2016). Однако Пребиш не ссылается на Валлерстайна, что, в общем, тоже естественно⁵. Анализ Пребиша сосредоточен на особенностях отдельной национальной экономики, в то время как Валлерстайн характеризует структуру мира — системы в целом.

В заключение данного раздела стоит отметить, что описание периферийного капитализма как отдельной модели само по себе не является чем-то особенным. Исследователи описали уже довольно много «капитализмов». Так, например, можно выделить «ковбойский капитализм» США (Герземанн, 2006), «рейнскую модель», связанную с «государством благосостояния» (Альбер, 1998), «кумовской капитализм», и т.д. Большой обзор современных вариантов капитализма был относительно недавно представлен учёными ИЭ РАН С. Глинкиной и М. Лобановым (Лобанов, Глинкина, 2020). Оставляя за рамками вопрос о специфике советской модели социализма и забегая немного вперёд, можно констатировать, что в 1980-х гг. советские обществоведы и политики собирались строить «цивилизованное общество», или «цивилизованный рынок», который ассоциировался с эффективной, быстро растущей, богатой экономикой. О разнице капиталистических моделей тогда дискутировали мало, «периферийность» рассматривалась как признак слаборазвитости развивающихся стран «капиталистической ориентации». При этом советские экономисты говорили о периферийной экономике как о результате неэффективного (и несправедливого) международного разделения труда, а гипотеза Зингера — Пребиша при этом рассматривалась критически (Ярошевский, 1973). Впоследствии, однако, представление о «цивилизации» уже однозначно связывалось советскими обществоведами с экономиками центров, Запада. Именно такое мировоззрение является частью описанной структуралистами «культурной зависимости», которая является характерной чертой «периферийного капитализма».

-
5. Впрочем, следует отметить, что работы Валлерстайна, основанные на идеях мир-системы, стали выходить в свет в 1970-х годах, а книгу про «Периферийный капитализм» Пребиш оформил только к 1982 г. При этом очевидно, что идея существования стран «полупериферии» находится за пределами анализа Пребиша. Но надо отметить, что в книге Пребиша вообще мало ссылок, при этом он явно игнорирует англоязычных авторов. Причины того, почему был избран такой стиль изложения, выходит за пределы задач данного доклада.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х ГОДОВ: КРИЗИС ЛЕВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И «ВОЗВРАТ НА ПУТЬ ЦИВИЛИЗОВАННОГО РАЗВИТИЯ»

1970-е годы на Западе ознаменовались распадом Бреттон-Вудской системы, stagflation и кризисом «государственно-монополистического» (читай — кейнсианского) регулирования. В результате в экономической теории произошла неolibеральная революция. Переусложнённые, изощрённые кейнсианские рецепты экономической политики были заменены сравнительно простыми правилами, предусматривающими дерегулирование рынков, приватизацию, сокращение государственной бюрократии, контроль за денежной массой, снижение налогов. Рекомендации также включали в себя пересмотр системы социального обеспечения и реформы образования и здравоохранения, которые, впрочем не реализованы в полной мере до сих пор.

В свою очередь, в СССР конца 1960 — первой половины 1970-х своеобразной вершиной политико-экономического свободомыслия считалась теория конвергенции, опиравшаяся на переведённые и ставшими популярными книги Дж.К. Гэлбрейта (*Гэлбрейт*, 1969; 1979). Причём даже эта оптимистичная теория считалась еретической, так как часть марксистских ортодоксов по-прежнему настаивала на том, что «передовые социалистические производственные отношения» обеспечивают более высокие темпы роста СССР, поэтому мирная экономическая победа, предусматривающая распространение социализма на всей планете, не за горами⁶. Неolibеральная

6. Работы Э. Тоффлера, М. Кастельса и других экономистов, включая уже упоминавшегося выше Валлерстайна, были переведены и стали сравнительно популярными в России намного позднее, в связи с чем их влияние не рассматривается в данной схематичной ретроспективе.

революция застала советских политэкономов врасплох — отказ Запада следовать практике государственного регулирования и «индикативного планирования», популярность идей Ф. фон Хайека, М. Фридмана, Дж. Стиглера стала толчком к разочарованию, а потом и к глубокому переосмыслению экономической теории в целом.

Естественно, что картина экономической науки в СССР после 1985 была крайне разнородной. Тем не менее следует выделить две черты своеобразного «мейнстрима»: во-первых, очень разных экономистов объединяли ценности эгалитаризма. В Институте экономики АН СССР авторитетные учёные, «товарники», писали о движении к полной социальной однородности: «как должно было бы выглядеть социалистическое общество при предположении, что оно достигло социально однородного состояния?

...[это] означало бы для нас полное отсутствие каких либо классовых образований, отличающихся между собой по месту и положению в общественном производстве... ...стало быть, было бы общество, состоящее из одних тружеников, без социальных группировок или подразделений, объективно сохранявших какие-то, хотя бы незначительные признаки классового характера... Означало бы это положение вообще снятие социальных проблем? Конечно же, нет!

У человеческого общества, естественно развивающегося, будут и свои социальные проблемы дальнейшего продвижения вперёд по пути бесконечного совершенствования общественных отношений и связанных с ним совершенствованием социальных задач производственного, идеологического, демографического, а до поры и времени национального характера...

Общеизвестно, что... жизненно насущными потребностями является вполне достаточный уровень обеспечения всех пищей, жильём и средним общим или специальным образованием. Именно такая материальная и культурная база является для нас основой достижения социальной однородности общества, поскольку при таком уровне обеспеченности... останутся только те отдельные различия в трудовых доходах, которые всецело будут ещё определяться социалистическим принципом распределения» (Венжер, 1987. С. 10–11, 23).

Вопросы социальной однородности *в потреблении* отражали дух времени конца 1980-х годов. Напротив, ещё в 1950-х, при обсуждении доклада П.Н. Федосеева В.С. Немчинов отмечал: «Если

собственность на средства производства определяет классовую структуру общества, то собственность на предметы потребления и на личное имущество никакого отношения к классовой структуре не имеет» (III Международный конгресс социологов, 1957. С. 31). Столь лапидарные марксистские формулировки тридцать лет спустя стали непопулярными — существенные различия в потреблении, не отвечающие «распределению по труду», стали восприниматься политэкономами как противоречащие социализму.

Во-вторых, мечта о социальной однородности и резком росте общего благосостояния естественным образом сочеталась с критикой бюрократизма. Один из самых популярных в то время теоретиков управления, Г.Х. Попов, используя многочисленные ссылки на В.И. Ленина, критиковал неспособность «административной системы справиться с задачами экономического роста и обеспечения подъёма благосостояния советского народа» (Попов, 1990). Не менее жёсткой критике подвергали советскую бюрократию марксисты А.В. Бузгалин и А.И. Колганов. При этом Бузгалин, оказавшись в составе ЦК КПСС, опубликовал и свои неформальные впечатления об этой организации: «Никогда не забуду, как я в первый раз шёл в свой “родной дом”, дом ЦК КПСС... С трудом открыв массивную дверь, я спокойно двинулся вперёд и тут же уткнулся в двух элегантных охранников... Возмущение, удивление, растерянность — всё это в мгновение ока промелькнуло в их обычно невозмутимых взорах, после чего мне молча было указано на дверь, а я молча протянул свой паспорт... заявив, что перед ними член ЦК КПСС».

...Уже вернув паспорт, вежливо, как балованной, но неразумной дитяте, объяснили, что этот вход — только для секретарей ЦК КПСС, а членам ЦК КПСС надо входить через другой подъезд.

...Начну с первого официального визита представителей оппозиционных течений, избранных в ЦК КПСС, к “курировавшему” нас секретарю ЦК КПСС Александру Сергеевичу Дзасохову. Разговор был крайне благожелательным, а суть... сводилась к.. простым вещам: представители платформ... имеют право получить от ЦК хотя бы минимальные ресурсы для своей деятельности...

Секретарь ЦК, третий человек в партии, на балансе которой были миллиарды рублей, кивал головой и повторял, что всё это пустяки, что, безусловно, всё будет сделано, и вообще — никаких проблем.

Я думаю, излишне объяснять, что ничего так и не было сделано» (Бузгалин, 1993. С. 110–111).

Эти реминисценции А.В. Бузгалин дополняет большой цитатой из совместной работы с А.И. Колгановым. Здесь соавторы поднимаются до экзистенциальных высот: «...всемирная история всегда... — результат исторического творчества людей. И в этом смысле любой человек, сознательно... творящий историю или создающий для этого предпосылки — это злейший враг бюрократии» (Там же. 118–119). Бюрократы стоят над массами, что является и необходимым, и достаточным признаком бюрократизма, они создают искусственный мир и верят в бумажный фетишизм. Бюрократы бесхозяйственны, так как они — не хозяева в буквальном смысле (не собственники), а это порождает у них иждивенчество. Кроме того, они верят в свою непогрешимость, оставаясь безответственными, стремясь к постоянному расширению аппарата управления, а заодно подвержены ведомственности и местничеству (Бузгалин, Колганов, 1988). Негативной роли советской бюрократии были посвящены работы таких разных экономистов, как Е.Т. Гайдар (Гайдар, 1990), О. Лацис (Лацис, 1989), Д. Валовой (Валовой, 1988) и многие другие⁷. Ликвидация бюрократизма наряду с демократизацией в то время стали общей конвенцией, публичных выступлений в защиту «административной системы» практически не было.

В ретроспективе легко заметить, что позднесоветская критика бюрократизма практически полностью совпадает с либеральной критикой социализма. Собственно, анархист Д. Гребер уже по поводу *западных обществ*, казавшихся в 1980-е годы многим советским экономистам тем эталоном, к которому надо стремиться, отмечал:

-
7. Например, молодые учёные Института экономики АН СССР в то время писали: «Отчуждение работников от управления выступает важнейшей формой отчуждения труда как деятельности... Возникновение отчуждённой формы управления заключается в закреплении управленческих функций за узкой группой административных лиц и превращения остальных членов общества в простых исполнителей чужих приказов. Она порождает рост бюрократизма, волюнтаризма и субъективистских тенденций в управленческих слоях...» (Кузьминов, Радаев, 1987. С. 16). Впоследствии эти идеи молодых учёных ИЭ вошли в коллективную монографию: (Кузьминов, Набиуллина, Радаев, Субботина, 1989). Или: «В сознании субъектов социалистического производства... возможности центра представляются безграничными. Однако такая фетишизация связана не с повышением роли субъективного фактора как такового, но с гипертрофией лишь одной из форм этого процесса, а именно с жёсткой централизацией управления экономикой в условиях незрелости социалистических отношений и в первую очередь планомерности как всеобщей формы их движения. Фетишизация производственных отношений выступает таким образом в форме планового фетишизма» (Мау, Стародубовская, 1987. С. 5–6).

«Перед лицом серых чиновников капиталистических и социалистических государств бунтари 1960-х отстаивали своё право на личностное самовыражение и на спонтанное веселье, и боролись... с любой формой социального контроля.

С крахом государств всеобщего благоденствия всё это стало казаться откровенным чудачеством. По мере того как язык антибюрократического индивидуализма всё более агрессивно перенимали правые, настаивающие на “рыночных решениях” всех социальных проблем, левый мейнстрим всё чаще вёл довольно жалкие арьергардные бои, пытаясь спасти остатки старого социального государства; пусть и неохотно, но левые смирились с попытками — а зачастую даже выступали их инициаторами — повысить эффективность усилий правительства за счёт частичной приватизации услуг и прививания структуре самой бюрократии всё более “рыночных принципов”, “рыночных стимулов” и рыночных “бухгалтерских процессов”.

...Стоит ли тогда удивляться тому, что всякий раз, как наступает социальный кризис, именно правые, а не левые становятся выразителями народного гнева?

У правых по крайней мере *имеется* (курсив авт. — П.О.) критика бюрократии. Не очень продуктивная. Но она хотя бы существует. У левых её нет» (Гребер, 2016. С. 8–9).

Радикальная либеральная позиция заключается в том, что *социализм сам по себе есть бюрократическое политико-экономическое устройство* (административная система): «Социалистическое общество представляет собой паразитическое авторитарное сообщество, в котором приказывают и подчиняются. Именно это и обозначают слова “плановая экономика” и “устранение анархии производства”. Устройство социалистического общества легче понять, если сравнить его с армией... Каждый приписан к какому-либо месту. Каждый должен оставаться там до тех пор, пока это считают нужным. Можно сказать, что человек становится пешкой начальства. Он растёт только когда его продвигают...

... Официальное назначение поднимает обычного смертного над уровнем масс. Он приобретает особый вес по сравнению с другими. Его ценность особенно велика во время выполнения им своих обязанностей. Недопустимы никакие сомнения в его достоинствах или способностях выполнять службу. Пост делает человека» (Мизес, 1998. 124–125).

Естественно, что это порождает безответственность и безхозяйственность: «При социализме всё иначе. Здесь руководитель отрасли заинтересован в прибылях и убытках ровно столько же, как и любой из миллионов граждан, — пропорционально своей доле в общественном богатстве. От его действий зависит судьба всего. Он может привести страну к расцвету. Он же может ввергнуть её в нищету... Его суждения должны быть безошибочными...

До тех пор, пока передача управления всеми делами в руки одного человека исключена, нужно прибегать к решениям большинства в комитетах, на генеральных ассамблеях и как последнее средство — большинства всего голосующего населения. Но здесь возникает опасность, которая всегда навлекает беду на коллективистские начинания — упадок инициативы и чувства ответственности...

Положение вещей не улучшится, если из-за невозможности возложить решения на отдельного человека или единственный комитет делегировать их бесчисленным подкомитетам...

Всем известно, как выглядит аппарат социалистического управления: бессчётное множество чиновников, каждый из которых ревностно защищает своё положение, свою сферу деятельности от вмешательства других и в то же время ожесточённо старается спихнуть ответственность на кого-либо другого.

При всей своей официозности такая бюрократия даёт классический пример бездеятельности. При отсутствии внешних стимулов ничто не шелохнётся» (Там же. С. 137–138).

Трудно сказать, в какой форме происходило осознание советскими экономистами того, что ликвидация бюрократизма не может быть ничем иным, как ликвидацией «общественной собственности» и социализма в целом. Отказ от «завоеваний Октября» долгое время представлялся невозможным⁸, но уже в преамбуле к официальной программе «500 дней», озаглавленной «Человек, свобода, рынок:

8. «Осуществляя коренную реформу управления экономикой, мы сегодня исходим из тех её принципов, которыми руководствовались в первые годы социалистического строительства, которым следовали или во всяком случае пытались следовать на протяжении всей 70-летней истории страны. Речь идёт о принципах демократического централизма, сочетания единоначалия и коллегиальности, использования плановых методов в единстве с экономическими рычагами, сочетания отраслевого и территориального подхода в управлении и др. Любое отступление от принципов означало бы уход в сторону от магистрального пути социалистического развития, а в определённых условиях и измену делу революции» (Абалкин, 1987 С. 7)

О программе, разработанной группой под руководством академика С.С. Шаталина», констатировалось: «Созданная у нас система экономических отношений и управления народнохозяйственным комплексом повинна в том, что в богатейшей стране трудолюбивый народ живет на уровне, совершенно не соответствующем богатству территории, его таланту и усилиям. Люди живут хуже, чем работают, потому что они либо делают не то, что нужно им самим, либо то, что ими делается, теряется или не используется...»

Право на собственность реализуется посредством разгосударствления и приватизации, передачи государственной собственности гражданам. Именно в возвращении собственности народу проявится в первую очередь социальная ориентация экономики. Это не акт реванша, а восстановление социальной справедливости, форма закрепления права человека на его долю в национальном богатстве страны, уже накопленном, и в том, что будет накоплено в будущем. Приватизация, что следует отметить особо, это форма распределения ответственности за состояние, и уровень развития общества между всеми ее членами, которые пожелают на себя эту ответственность взять» (Программа «500 дней», 1990)⁹.

Обращает на себя внимание то, что ни в программе, ни в преамбуле не упоминаются ни социализм, ни капитализм, есть только загадочное: «Это не акт реванша, а восстановление социальной справедливости». Таким образом, *справедливость предполагалось восстанавливать путём приватизации*. В таком случае вопрос о «модели капитализма» вообще не мог обсуждаться публично, собственно, экономисты избегали самого этого термина¹⁰, дабы у публики не возникло политических коннотаций. Тем не менее вывод о том, что будет построен именно *периферийный капитализм*, можно сделать хотя бы из вот этого небольшого отрывка: «Государство будет стимулировать развитие международных хозяйственных связей, поездок за границу на работу или учебу. Попытки

9. Авторы программы (и преамбулы): С. Шаталин, Н. Петраков, Г. Явлинский, С. Алексашенко, А. Вавилов, А. Григорьев, М. Задорнов, В. Мартынов, В. Машиц, А. Михайлов, Б. Федоров, Т. Ярыгина, Е. Ясин.

10. Позднее то же самое произойдёт и с «социализмом». В своей большой работе Е.Т. Гайдар избегает этой характеристики, описывая СССР как «нефтегосударство», избегая прилагательного «социалистический» (Гайдар, 2006).

построить систему, отгороженную от внешнего мира, практически обрекли на деградацию и застой большинство отраслей нашей экономики. Открытие внутреннего рынка заставит отечественных предпринимателей конкурировать с дешевыми импортными товарами как внутри страны, так и за рубежом, что придаст нашему хозяйству динамичность и гибкость в удовлетворении потребностей рынка, а значит, и потребителя» (Программа «500 дней», 1990).

Тем самым неявно констатировалось, что это не по отношению к СССР осуществляли торговое эмбарго, вводили запреты на покупку оборудования и технологий, но наоборот, этим занималось первое в мире государство «рабочих и крестьян», отгораживаясь от западной цивилизации. Заодно связи со странами «второго» и «третьего» мира оказывались не теми связями, которые заставили бы отечественных производителей конкурировать, нужна была конкуренция с товарами из «первого» мира. Плеяда выдающихся советских экономистов, готовивших данную программу реформ, вполне осознанно выбрали путь «зависимого развития»: «Мы также должны обратиться за помощью к другим странам. Они поддержат нас, если признают нашу программу достаточно решительной и компетентной, если будут уверены в том, что предоставленная помощь будет использована разумно и эффективно на благо людей» (Там же).

1990-е ГОДЫ: ОЛИГАРХИ И ПОЯВЛЕНИЕ «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК»

Есть известная, старая шутка родом из СССР о том, что социализм нужно строить, а капитализм достаточно разрешить. Либерализация цен и приватизация существенной части государственной собственности для большинства российских экономистов представлялись достаточно очевидными мероприятиями на пути к созданию «цивилизованного рынка». Некоторое время дискуссии шли вокруг того, *как именно* осуществлять эти мероприятия. Однако, учитывая состояние российской налогово-бюджетной системы, вопрос о поэтапной, терапевтической либерализации отпал практически сразу. Споры вокруг методов приватизации тоже оказались короткими. После принятия закона «О государственном предприятии» в 1987 г. руководство заводов и фабрик достаточно быстро осуществило так называемую «номенклатурную приватизацию»¹¹. В свою очередь, у населения — да ещё в условиях раскручивающейся инфляции — просто не было свободных денежных средств на «выкуп средств производства». Единственной возможной схемой,

11. Строго говоря, именно за такую приватизацию и выступали многочисленные «товарники», со времён «косыгинской реформы» настаивавшие на расширении прав предприятий. Типичная рекомендация из 1980-х годов: «Расширить самостоятельность предприятий и объединений в организации производства и распределения получаемых доходов. Устранить регламентацию сверху конкретных форм оплаты труда. Резко сократить, а в перспективе ликвидировать практику отвлечений от их основной трудовой деятельности. Предоставить предприятию экономические и юридические возможности для высвобождения излишней рабочей силы» (Кузьминов, Радаев, 1987. С. 25). Что здесь понимается под «предприятием», кто будет «освобождаться от излишней рабочей силы»? Очевидно — *дирекция*. Такова марксистская диалектика: предоставить свободу начальникам распоряжаться имуществом — это не что иное, как «преодоление отчуждения труда».

которая могла придать хоть какую-то легитимность передаче государственной собственности в частные руки в таких условиях оказалась ваучерная (чековая) приватизация. Она преподносилась обществу как способ вырвать имущество из лап номенклатуры. Учитывая ту неприязнь, которую советское общество дружно испытывало к советской бюрократии, ваучерная схема в целом была одобрена (события октября 1993 г. могли, в случае успеха Верховного совета, *вывести часть госпредприятий* из программы приватизации, но сами ваучеры были выданы населению ещё летом 1992 г.). Стоит отметить, что она содержала компромиссные решения: при определённых условиях «красные директора», пользующиеся поддержкой трудового коллектива, могли сохранить возможности управления и распоряжения приватизируемым имуществом.

Оба основных мероприятия радикальной экономической реформы — либерализация цен и приватизация — породили далеко идущие последствия. Коротко остановимся на самих феноменах и их отражении в дискуссиях, которые шли (и ещё продолжают идти) среди российских экономистов.

Либерализация цен быстро переросла в гиперинфляцию, с которой начали бороться Центральный банк и Министерство финансов. Причём в это же время произошёл ещё и переход к политике торговой открытости — отмена монополии внешней торговли и формирование валютного курса по результатам биржевых торгов. Предполагалось, что западная продовольственная помощь и импорт товаров не только позволят снизить остроту товарного дефицита, но и помогут сдержать рост цен (в первую очередь на потребительские товары). Однако для этого надо было как-то регулировать курс, и власти, после периода начальной неразберихи, перешли к политике «валютного коридора».

В результате резкого ужесточения денежно-кредитной политики в российской экономике появился устойчивый феномен неплатежей, которые стали расшиваться с помощью выстраивания цепочек взаимозачётов¹². Посредники, участвовавшие в этих цепоч-

12. Теоретически неплатежи должны были бы сопровождаться банкротством предприятий — неплательщиков. Закон о банкротстве был принят ещё в 1992 г., но на практике почти не применялся: неплатежи и последующие взаимозачёты были массовым явлением. Банкротство как инструмент передела активов начали использовать в России уже после 1999 г.

ках, проводили платежи с существенным дисконтом (10–50%). Взаимозачёты проводились и в отношении уплаты налогов — появились специфические денежные суррогаты, казначейские налоговые освобождения. Таким образом, на бумаге бюджет выполнялся, а фактически так называемых живых денег у «распорядителей кредитов» — руководителей бюджетных организаций не было; в результате во многих учреждениях образования и здравоохранения, коммунальных службах, даже в воинских частях и милиции, росла задолженность по зарплате. На некоторых заводах вместо заработной платы работникам выдавали материалы и/или готовую продукцию (товары народного потребления).

Во флагманском российском журнале «Вопросы экономики» (№3 — 1995). развернулась дискуссия о природе такой инфляции. А. Илларионов¹³, Б. Икес, Б. Гранвиль, М. Афанасьев и О. Вите в целом придерживались мнения о том, что инфляция в России является монетарным феноменом, ответственность за который несут российские власти, А. Белоусов и А. Клепач делали акцент на структурных, немонетарных факторах, и были в явном меньшинстве. В свою очередь, подавляющее большинство российских экономистов характеризовали инфляцию как результат непоследовательной политики денежных властей. Так, например, эта позиция подробно излагается в более чем 1000-страничном коллективном труде «Экономика переходного периода», выполненном авторитетными экономистами «нового поколения» под руководством Е.Т. Гайдара (Экономика переходного периода, 1998).

По мере замедления инфляции и развития финансового рынка всё большую роль приобретал выпуск ГКО, с помощью которых закрывался бюджетный дефицит. В соответствии с теорией продаж ГКО, среди прочего, должна была снижать объём денежной массы, что, по идее, могло помочь сдерживать инфляцию. Учитывая высокий дисконт по этим бумагам, их держателями были крупные банки и иностранные акторы. Известный дефолт 1998 г. выразился в неспособности России выплачивать проценты по государственному долгу — проблема, хорошо знакомая латиноамериканским стра-

13. В настоящее время А. Илларионов включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

нам¹⁴. Однако одновременно с дефолтом произошло практически 4-кратное обесценение рубля, что, в свою очередь, привело к скачку потребительских цен. После этого достаточно быстро, в течение 1999 г., инфляция стала снижаться, причём вместе с задолженностью по оплате труда. Резко упал и удельный вес взаимозачётов в структуре платежей (а в 2000 г. они стали крайне редким явлением). Россия вступила в фазу экономического роста (стоит отметить, что к 1998 г. цены на отечественную нефть упали до уровня в 8 долл. за баррель. Впоследствии они стали расти, что, конечно же, способствовало и наполнению бюджета и общему переходу экономики к фазе подъёма — часто именно это обстоятельство, а не резкое обесценение рубля, указывается многими экономистами в качестве основного драйвера роста в 1999–2004 гг.).

В рамках концепции периферийного капитализма важнейшим фактором роста цен в постсоветской России была, конечно же, социальная инфляция. Индексировались зарплата и пенсии. Хотя, конечно, выплаты происходили с существенным запозданием, предоставляя банкам, и в меньшей степени правительству доходы от сеньоража. Получателями выгод от завышенного курса доллара была стремительно формировавшаяся социальная группа «престижного потребления», ориентированная на западные стандарты (а зачастую и получавшая оплату своих услуг в долларах). Одним из немногих экономистов, который обратил внимание на социальную роль денежных рестрикций в процессе взаимозачётов, в то время был М.Г. Делягин, однако отсылка к Р. Пребишу и структуралистам в его ныне забытой работе не содержится (*Делягин, 1997*).

Российские банки, естественно, участвовали в активном оттоке отечественного капитала за рубеж, в кредитовании приватизационных сделок, в залоговых аукционах. Вместе с зарубежными спекулянтами они получали основные доходы от операций с ГКО. Всё это полностью соответствует логике периферийного капита-

14. В отличие от Р. Пребиша, С. Фуртадо и других сотрудников ЭКЛА в России тогда был хорошо известен Д. Кавальо, а с подачи Б. Федорова оживлённо обсуждалась полная привязка рубля к доллару (эмиссия должна была ограничиваться объёмом валютных поступлений от импорта). Поэтому нельзя утверждать, что российские экономисты полностью игнорировали опыт периферийных стран. Кроме концепции Д. Кавальо, например, большое внимание многих российских либералов привлекали и экономические реформы, осуществлённые в Чили при правительстве А. Пиночета.

лизма, в рамках которого финансовый капитал экспроприирует часть реального бизнеса и выстраивает деловые альянсы с капиталами «центров». Спецификой накопления в этой модели является, с одной стороны, дефицит капитала, с другой стороны, периферия, вкладываясь в зарубежные активы, кредитует экономику центров. Характерный термин во время президентских выборов 1996 г. — «семибанкирщина» — сам по себе означал решительную трансформацию политико-экономического устройства постсоветской России. Стоит напомнить, что в советское время банковская и страховая деятельность была полностью подчинена приоритетам «хозяйственного развития», диктуемым наиболее влиятельными министерствами и Госпланом.

Обвал курса рубля привёл к банкротству многих из банков, включая самые крупные. Тем не менее новая социально-экономическая структура в России уже была сформирована. В 2000 г. Я. Паппэ представляет и её первое, сравнительно подробное описание (Паппэ, 2000). При этом его работа носит исключительно дескриптивный, подчёркнуто нейтральный характер: представлен состав финансово-промышленных групп, история их формирования, основные владельцы, их связи. Но тем самым фиксируется постсоветская реальность: новая российская экономика вписалась в международное разделение труда в качестве поставщика сырья и некоторых полуфабрикатов, дифференциация доходов и имущества многократно превосходит советскую, олигархи не собираются инвестировать в науку и образование, никаких «инноваций в сфере высоких технологий» не предвидится, если их не будет финансировать и контролировать государство. В свою очередь, представители последнего — от законодательных органов до первых лиц исполнительной власти: министерств и ведомств — непосредственно связаны с основными финансово-промышленными группами, и при формировании политики в первую очередь отстаивают их интересы.

Естественно, что олигархия как феномен была широко известна российским экономистам задолго до выхода в свет работы Я. Паппэ, а сам термин часто использовался и в масс-медиа, и в научных статьях. Однако сложившееся политико-экономическое устройство никак нельзя было признать в качестве легитимной цели радикальных реформ. Хотя уже к середине 1990-х годов тон «мла-

дореформаторов» в масс-медиа существенно изменился — «социальная справедливость» уже не упоминалась, смысл приватизации заключался в «победе над коммунизмом».

Перераспределение собственности от советской хозяйственной номенклатуры — «красных директоров» к «эффективным собственникам», лояльным к новой власти и готовым оказать ей необходимую финансовую поддержку (включая мобилизацию политтехнологов), вполне вписывается в логику новой политической экономии. Такие идеи можно обнаружить, например, у М. Олсона (Олсон, 1995, 2013). Однако в начале 1990-х годов такой институциональный дискурс был неприемлем для многих российских экономистов, имевших непосредственное отношение к капиталистическому хозяйственному строительству. Тем не менее, сам *поворот российской экономической мысли к институциональному анализу после периода моды на макроэкономические темы в 1990-е годов следует признать логичным и естественным*. Финансовая стабилизация достигнута, рынок заработал — какую экономику следует строить? И в 1999 г. секция экономики Отделения общественных наук РАН принимает решение об организации сети кафедр институциональной экономики во всех университетах и экономических вузах страны.

Одним из авторитетных институционалистов того времени был А.Н. Нестеренко, заместитель директора ИЭ РАН. В его работах достаточно критично оценивались складывающиеся институты новой России. Вполне естественно, что эта критика основывалась прежде всего на инструментарии новой институциональной экономической теории (Нестеренко, 2002). А.Н. Нестеренко был среди большой группы российских экономистов, которые критиковали как сами реформы, так и механизмы их осуществления. Среди них, в частности, можно назвать таких известных учёных, как А.А. Аузан, С.Ю. Глазьев, Р.С. Гринберг, Д.С. Львов, В.В. Ивантер, А.Д. Некипелов, В.М. Полтерович. Легко заметить, что большинство из них представляло академическую науку и старые крупные вузы, сравнительно слабо связанные с новым экономическим истеблишментом, сформировавшимся вокруг команды «младореформаторов». Во многом российская институциональная альтернатива опиралась на симпатии к «государству благосостояния», которые впоследствии оформи-

лись в «социальный либерализм» (Социальный либерализм, 2016). Но ещё до того как это произошло, Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн выдвинули свою концепцию «социодинамики» (Гринберг, Рубинштейн, 2000). Это направление развивало цивилизованную (в отличие от большевистской), западную версию социал-демократии, в рамках которой государству возвращались ограниченные патерналистские функции, но в целом оно, конечно же, должно было полностью находиться под контролем гражданского общества.

Другой вариант критики был предложен В.М. Полтеровичем ещё в 1998 г. в рамках концепции институциональных ловушек (стоит отметить, что это — едва ли не единственная научная новация российских экономистов, которая получила признание и известность за рубежом). «Широкомасштабные реформы, происходившие в восточно-европейских странах в 90-х годах, выявили со всей очевидностью, сколь велика потребность в развитой теории институциональных экономических изменений и в то же время продемонстрировали, насколько неудовлетворительным является её нынешнее состояние. Россия явилась особенно горьким уроком. Преобразования в России — по всем их основным направлениям — привели к последствиям, не предсказанным экспертами...» (Полтерович, 1999). Не вдаваясь в критику отдельных работ и/или специфики экономической политики постсоветских правительств, В.М. Полтерович выделяет «друг[ую] лини[ю] связи между макроэкономическим управлением и экономическими институтами: макроэкономические воздействия могут вести к существенным изменениям институциональной структуры. В частности, институциональные ловушки нередко являются непредвиденным результатом макроэкономических реформ» (Там же. С. 5).

Сам феномен определяется через неэффективную норму поведения: «как и в случае любой нормы, устойчивость институциональной ловушки означает, что при небольшом временном воздействии на систему она остаётся в институциональной ловушке, возможно, лишь незначительно меняя параметры состояния, а после снятия возмущения — возвращается в исходное состояние» (Там же. С. 11–12). Развивая эту мысль, В.М. Полтерович замечает, что экономические акторы несут издержки при попытках перехода к другим нормам, что они должны знать, чего они собираются добиться;

кроме того, он исходит из оптимистической посылки о том, что «общество» (а в отдельных случаях даже государство) заинтересовано в новых, справедливых и эффективных институтах. Впоследствии развитая и основательная версия, включающая теорию «промежуточных» институтов, будет им представлена в широко известной и часто цитируемой монографии (Полтерович, 2007).

Проблема, однако, в том, что *вся модель периферийного капитализма и есть институциональная ловушка*. И, как показали работы латиноамериканских структуралистов, а также западных приверженцев «теории развития», существует баланс интересов центров и «привилегированного класса» периферийной страны, который заключается в том, чтобы институты в этой системе оставались неизменными. Последнее обстоятельство обычно игнорируется периферийными исследователями, так как по умолчанию предполагается, что западные учёные благородно заинтересованы в том, чтобы Россия и другие страны стали сильными экономическими конкурентами Запада на мировых рынках... Иное высказывание экономиста из стран постсоветского блока в академической среде сочли бы этически неприемлемым. Поэтому вопрос о составе агентов реформ, которые бы разрушили «ловушку» и построили бы нечто более приемлемое, остаётся открытым и в настоящее время¹⁵.

15. Хотя следует отметить, что *политические инструменты* разрушения любой институциональной структуры уже разработаны и применяются с достаточно большой эффективностью. Характеристики таких инструментов, в частности, приведены в работе: (Шарп, 2005).

2000-е ГОДЫ: МЕЙНСТРИМ, «ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ» И ГЕТЕРОДОКСЫ

Быстрый экономический рост 2000-х годов сопровождался устранением фрагментации и определённой нормализацией экономической науки и образования в России. В 1990-е годы было переведено достаточно большое количество учебников по микро- и макроэкономике¹⁶, которые были освоены преподавателями вузов и работниками НИИ. На основе переработки западных учебников стали появляться свои, адаптированные учебные пособия. То же самое, хотя и с некоторой задержкой, происходило с курсами институциональной экономики. Часть экономистов, придерживавшихся марксистских взглядов, отошла от преподавания и научных занятий по естественным причинам, а оставшаяся часть потеряла прежнее влияние. Уже к 2005 г. в России сформировался мейнстрим, где в основном использовался инструментарий неоклассического синтеза и новой институциональной теории, дополненный эконометрикой.

Произошедшую нормализацию можно проиллюстрировать оживлённой дискуссией по поводу наличия / отсутствия / особенностей «голландской болезни» в России. Публичная дискуссия на тему подобных диспропорций, складывавшихся в экономике СССР, в 1970 – первую половину 1980-х годов была бы невозможна. Поиск по ключевым словам «голландская болезнь, экономика» в Национальной электронной библиотеке (elibrary) выдаёт наличие

16. Следует отметить, что учебник Самуэльсона был переведён ещё в СССР (*Самуэльсон*, 1964) и частично использовался в преподавании (особенно для экономистов-математиков). Новая волна переводов началась уже в начале 1990-х, первым (или одним из первых) был двухтомник (*Макконнелл, Брю*, 1993).

более 2 000 работ, опубликованных в период 2001–2011 гг. Для сравнения — поиск по ключевому слову «Пребиш» выдаёт около 1 300, а «Хайек» — порядка 12 300 работ за весь период существования НЭБ.

Современный экономический мейнстрим неявно связан с метатеорией модернизации, предполагающей наличие состояний «развитости» и «отсталости» разных стран. Так, для преодоления отсталости необходимо заимствовать западные лучшие практики; кроме того, можно оценить качество институтов России с помощью международных рейтингов. Такого рода исследования осуществляются российскими исследователями вместе с международными организациями. Однако в 2005 г. в «Вопросах экономики» вышла статья исследователей, близких к правительственным кругам, в которой сравнительно мягко критиковалась упрощённая схема заимствования западных практик: «В начальный период реформ в России было распространено довольно радикальное мнение среди экономистов, согласно которому институциональную структуру общества можно перестроить ускоренными темпами, если проявить политическую волю и подойти к решению этой задачи рационально, отобрав наиболее эффективные институциональные образцы. Сегодня мы видим, что попытка подобной революционной ломки институтов привела к противоречивым результатам. Наряду с позитивными результатами появилось много непредвиденных последствий. К тому же слишком высокими оказались социальные издержки реформ, не удалось обеспечить и желательного рывка в экономическом развитии» (Кузьминов, Радаев, Яковлев, Ясин, 2005. С. 5–6). Далее авторы критиковали «бумажное» законодательство, проявившееся в нежелании правительства учитывать негативные последствия «монетизации льгот», ошибки при реализации закона о банкротстве, в результате чего понадобились три редакции данного закона и застрявший на полпути переход к страховой медицине. Всё это случилось, по мнению авторов, оттого что правильные идеи пытались осуществить неправильным способом. Существует два способа выращивания институтов: первый — культивирование и облагораживание уже существующих норм поведения, второй — заимствование (импорт) и проектирование институтов. Возможно упрощение института: например переход к плоской шкале подоходного налога, а также расчётам по налоговым платежам для

юридических лиц. Успешная реализация той или иной реформы требует намного больших затрат и времени, чем это представлялось реформаторам в 1990-е годы. Идеи авторов во многом совпадали — и они сделали в своей статье соответствующую ссылку — с более ранней идеей В.М. Полтеровича о «трансплантации институтов» (Полтерович, 2001).

Различение между *трансплантацией, заимствованием, выражением и проектированием* институтов представляется упущением авторов в риторике и заставляет вспомнить о спорах советских политэкономов об исходном и основном производственном отношении. По-видимому, смысл дискуссии был не столько в традиционном для выдающихся экономистов указании отстающим от них в интеллектуальном развитии правительству и парламенту, как правильно себя вести в деле построения институтов, сколько в скрытом оппонировании коллегам. Так, в статье указывается: «Маятник качнулся в сторону куда более пессимистических культурологических концепций, утверждающих, что изменение институтов требует смены поколений, а сколько-нибудь фундаментальные трансформации в обозримом будущем невозможны в силу жёсткого защитного культурного панциря и инерции сложившихся институтов. Суть данной позиции сводится к тому, что медленная изменяемость или даже неизменность институциональной структуры делают предопределённым развитие той или иной страны. Культура — это судьба» (Кузьминов, Радаев, Яковлев, Ясин, 2005. С. 7).

Оппоненты, которые придерживаются указанных культурологических концепций, не называются по именам, цитат из их работ не приводится; говорится лишь о том, что, по мнению Ясина и соавторов, их критики уверены в вечной отсталости России, невозможности достижения высокого благосостояния населения и её «особом пути». Но *кто* же были эти неприятные люди?

По-видимому, речь идёт о *гетеродоксальных* направлениях, которые стали активно развиваться в российской экономической науке. Во-первых, это работы заведующей сектором (в настоящее время — руководитель центра) в Институте экономики РАН, д.с.н. С.Г. Кирдиной. Её концепция институциональных матриц (X–Y матриц), чётко ассоциирующихся с «Западом» и «Востоком», предполагает, что существенная часть институтов одной матрицы не

может быть перенесена в другую (Кирдина, 2001). Тем не менее этот подход отнюдь не означает, что «восточные» институты не могут обеспечить экономического роста и соответствующего благосостояния населения, ни о какой «вечной отсталости» здесь речь не идёт. Здесь же стоит назвать работы не менее известных социологов и экономистов О.Э. Бессоновой (Бессонова, 1994, 1998), С.Г. Кордонского (Кордонский, 2007), С.Ю. Барсуковой (Барсукова, 2009).

Другая, *либертарианская* гетеродоксальная дихотомия — это противопоставление правовой и силовой цивилизации А.П. Заостровцевым. К силовой цивилизации он относит не только Россию, но и Китай (и в целом большинство восточных «деспотий»). Естественно, рост благосостояния связывается им с правовой цивилизацией. Силовые варианты характеризуются достаточно высокой устойчивостью власти, но положение рядовых граждан («подданных») относительно слабо волнует элиту, поэтому достижение западного уровня благосостояния в этом случае действительно вряд ли возможно. Впрочем, следует отметить — несмотря на то, что эти мысли высказываются А.П. Заостровцевым давно, книга, в которой он оформил свою концепцию, вышла за пределы рассматриваемого здесь периода (Заостровцев, 2020).

Наконец, в этом ряду гетеродоксов необходимо выделить работы Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова. Они использовали «эффект колеи» для объяснения расходящихся в процессе модернизации траекторий экономического роста России и Западной Европы. Соавторы, опираясь на концепцию «азиатского способа производства» К. Маркса, предложили интерпретировать её как особый, восточный вариант модернизации. Кроме того, в трактовке особенностей российского институционального развития они использовали концепцию неразделённой «власти — собственности». Список работ исследователей, которые придерживаются мнения о том, что власть-собственность лежит в основе российских институтов, по-видимому, займёт не один десяток страниц, поэтому они здесь не приводятся¹⁷.

Представители мейнстрима экономической науки вполне справедливо относятся к «цивилизационным вариантам» институ-

17. Ссылки на некоторые из них, написанные ещё в советское время, указаны в примечании к Введению.

ционального анализа с подозрением. Существенно различающиеся институты при сравнительно одинаковом уровне ВВП на душу населения и других важных социально-экономических показателях ставят под сомнение наличие и необходимость заимствования «лучших практик». А это, в свою очередь, может заставить усомниться и в правомерности претензий на селекцию и культивирование институтов со стороны тех исследователей, которые заслуженно претендуют на свою принадлежность к переднему краю мировой науки.

С позиций концепции периферийного капитализма такое положение является совершенно естественным. О своих собственных цивилизациях уже давно заявили Индия, Китай, Бразилия; подобные высказывания допускают исследователи в Турции (цивилизация Великого Турана), странах Ближнего Востока, Африке и/или даже в Польше и Литве (воспоминания о Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой). Очевидно, это один из способов культурной эмансипации, зачастую, впрочем, сопровождающийся вульгарной ревизией политической истории.

В отношении различных траекторий экономического роста следует ещё раз напомнить о стратегии несбалансированного развития А. Хиршмана. В появлении признаков «голландской болезни» нет ничего страшного — правительству следует просто предпринять определённые меры против реального удорожания отечественной валюты. Это можно достичь — как, собственно, и поступили российские власти — через «стерилизацию» денежной массы, создав резервы. При этом ориентацию национальной экономики на экспорт поддерживали (и поддерживают) все структуралисты, включая Р. Пребиша, С. Фуртадо и К. Перес-Перес.

Защита прав собственности, снижение административных барьеров, развитие финансово-кредитной и социальной инфраструктуры — задачи, которые хорошо осознаются всеми государствами периферии. Кроме того, периодически и в России, и в других странах «среднего уровня развития» возникают дискуссии о существенном увеличении прогрессии налога на доходы физических лиц и снижении «косвенного» налогообложения¹⁸. Несмотря

18. Поскольку спрос низкодходных социальных групп на большинство товаров и услуг имеет низкую эластичность, налог на добавленную стоимость, как и различные варианты налогов с оборота, имеет ярко выраженный регрессивный характер.

на отстаивание своей культурной самобытности, практически все страны пытаются заимствовать и внедрять «лучшие практики». Основное препятствие на этом пути — такие практики уменьшают экономическую неоднородность, а значит, и регрессивную социальную конкуренцию. Результатом является сокращение «излишка», по Пребишу, или хорошо известное российским экономистам снижение величины рентных доходов, что будет подрывать рентоориентированное поведение привилегированного класса. А это уже приводит к политическим конфликтам и росту неопределённости. Исход последней, как показали результаты «арабской весны», может быть полностью негативен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПРОДУКТИВНОСТЬ МЕТАФОР «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ» И «ТУЗЕМНОЙ» НАУКИ

В 2013 г. социологи из Европейского университета в Петербурге М. Соколов и К. Титаев опубликовали провокационное эссе «Провинциальная и туземная наука» (Соколов, Титаев, 2013)]. Оно предназначалось для социологов, но вызвало большой резонанс во всём российском научном сообществе. Суть эссе проста: предполагается, что существует «столичная», она же *мировая* наука, где занимаются поиском истины и где исследователи читают работы друг друга и дискутируют между собой; есть провинциальная наука, где учёные читают, в основном, работы «столичных», и далее занимаются их трансляцией и адаптацией на родном языке, дискуссии же между собой ведутся довольно редко; наконец, есть туземная наука, где читают и цитируют узкий круг «своих» авторов, в рамках этого же кружка ведутся и споры. О существовании мировой науки «туземцы» не подозревают, а с «провинциалами» находятся в конкурентно-враждебных отношениях.

Легко заметить, что предложенная социологическая схема вполне стыкуется с «периферийным капитализмом»: привилегированный класс имитирует потребление центров, пытается выстроить с последними деловые и культурные связи и более или менее игнорирует аналогичные группы людей в соседних странах. «Туземцы» в этом случае представляют *внутреннюю периферию*, с которой «провинциалы» ведут себя крайне жёстко: те же ставки по кредитам для туземных предпринимателей будут существенно выше, чем в филиалах этих же банков за рубежом, в странах центра, инженерные сети (газо- и электроснабжение) будут прокладываться здесь только тогда, когда возможности рентабельных зарубежных

инвестиций оказываются исчерпанными, и т.д. Общей тенденцией является сверхцентрализация финансовой, хозяйственной, научной, культурной и образовательной жизни (скажем, в Египте население столицы превышает 20% всего населения страны, с некоторыми вариациями то же можно сказать и о штате Сан-Паулу в Бразилии, о Москве и Московской области в России и т.д.). Социальная инфляция и регрессивная конкуренция на рынке труда полностью сохраняют своё значение для России и сейчас: несмотря на то что многие учёные и представители властей говорят о дефиците рабочей силы, доля доходов от труда в ВВП остаётся сравнительно низкой.

Сами Соколов и Титаев в ходе последующего обсуждения их работы признавались, что, конечно же, они не предлагают делить науку на три сорта, их целью было привлечь внимание к тому, каким образом выстраиваются коммуникации среди людей, занимающихся социологией. Случайно или нет, но, на мой взгляд, они нашли удачную метафору для описания ситуации, характерной для положения российских социальных наук в целом. Причём с момента выхода их работы прошло уже 12 лет, и с тех пор положение только усугубилось. По моему мнению, обнаруженные ими особенности коллективной когнитивной структуры исследователей, специализирующихся в социальных дисциплинах, лежат в основе «ловушки среднего дохода» (Ореховский, 2020). Последняя полностью соответствует определению, предложенному В.М. Полтеровичем: все согласны с тем, что данное институциональное равновесие неэффективно, тем не менее оно устраивает основных игроков, получающих ренту, а потому будет сохраняться и дальше.

Благостная картина объективных научных дискуссий в различных научных дисциплинах, где исследователи обсуждают проблемы на языке мировой науки, широко цитируя как западных, так и отечественных авторов, несомненно, произвела бы сильное впечатление на советского политэконома. Но если смотреть на неё через призму периферийного капитализма, то существенная часть этих дискуссий — такая же имитация, как производство публикаций для отчётов и взаимного цитирования. Впрочем, то же самое уже давно происходит и в мировой науке, поэтому можно легко согласиться и с тем, что качество отечественных экономических исследований не уступает мировому уровню.

ЛИТЕРАТУРА

- III Международный конгресс социологов (1957): Стенограмма доклада и выступлений в центр. лектории о-ва / Чл.-кор. АН СССР П.Н. Федосеев, акад. В.С. Немчинов, проф. С.Ф. Кечекьян и др. М.: Знание, 1957.
- Абалкин Л.И. (1987). Перестройка управления экономикой – продолжение дела Октябрьской революции: Материалы к докл. для обсуждения торжеств. засед. Уч. Совета ИЭ АН СССР 29 октября 1987 г. Препринт. М.: ИЭ АН СССР.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Альбер М. (1998). Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа.
- Барсукова С. (2009). Неформальная экономика: Курс лекций. М.: ИД ГУ ВШЭ.
- Бессонова О.Э. (1994). Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность* № 3. С. 37–48.
- Бессонова О.Э. (1998). Раздаточная экономика в ретроспективе // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 85–100.
- Бузгалин А.В. (1993). Белая ворона (последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри). М.: Экономическая демократия.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (1988). Анатомия бюрократизма – М.: Знание.
- Валлерстайн И. (2016). Мир-система Модерна. Т. I–III. М.: Университет Дмитрия Пожарского.
- Валовой Д.В. (1988). Экономика в человеческом измерении: Очерки-размышления. М.: Политиздат.
- Васильев Л.С. (1982). Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века* / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М.: Наука. С. 196–114.
- Венжер В.Г. (1987). Социализм и проблемы становления полной социальной однородности общества // *Основные вопросы движения общества к полной социальной однородности* / Под ред. Венжера В.Г. М.: ИЭ АН СССР.
- Вольчик В.В. (2025). Идеология, цифровая экономика и промпт-знание // *AlterEconomics*. Т. 22. №1. С. 66–82. DOI: 10.31063/Altereconomics/2025.22-1.6.
- Восленский М.С. (1991). Номенклатура. М.: Октябрь – Советская Россия.
- Гайдар Е.Т. (1990). Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука.

- Гайдар Е.Т. (2006). Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН.
- Герземанн О. (2006). Ковбойский капитализм: Европейские мифы и американская реальность. М.: ИРИСЭН.
- Гребер Д. (2016). Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.А. (2000). Экономическая социодинамика: Препринт. М.: ИСЭПРЕСС.
- Гэлбрейт Дж.К. (1969). Новое индустриальное общество. М.: Прогресс.
- Гэлбрейт Дж.К. (1979). Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс.
- Десягин М.Г. (1997). Экономика неплатежей: как и почему мы будем жить завтра. М.: Би.
- Заостровцев А.П. (2020). Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Капелюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. № 5. С. 110–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128.
- Кирдина С.Г. (2001). Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд. Новосибирск: ИЭиОПП РАН.
- Кларк Дж.Б. (1992). Распределение богатства. М.: Экономика.
- Кордонский С.Г. (2007). Ресурсное государство: Сб. ст. М.: REGNUM.
- Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. №5. С. 5–27.
- Кузьминов Я.И., Радаев В.В. (1987). Отчуждение труда при социализме: Характер, основные формы, пути преодоления: Препринт доклада. М.: ИЭ АН СССР.
- Кузьминов Я.И., Набиуллина Э.С., Радаев В.В., Субботина Т.П. (1989). Отчуждение труда. История и современность. М.: Экономика.
- Лацис О.Р. (1989). Выйти из квадрата: Заметки экономиста. М.: Политиздат.
- Ленин В.И. (1969). Империализм как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 27. М.: Изд-во политической литературы. С. 299–426.
- Лобанов М.М., Глинкина С.П. (2020). Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования // Вестник

- Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 36. Вып. 1. С. 7–26. DOI: 10.21638/spbu05.2020.101.
- Макконнелл К.Р., Брю С.Л. (1993). Экономика: принципы, проблемы и политика: В 2 т. М.: Республика.
- Мау В.А., Стародубровская И.В. (1987). Что мешает движению вперёд? Проблемы планового фетишизма в социалистической экономике. Препринт. М.: ИЭ АН СССР, 1987.
- Мизес Л. фон. (1998). Социализм: Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy.
- Нестеренко А.Н. (2002). Экономика и институциональная теория. М.: УРСС.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.
- Нуреев Р.М. (1977). Принципы изучения основного производственного отношения в докапиталистических формациях: В связи с дискуссией об «азиатском» способе производства: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. экон. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Би.
- Олсон М. (1995). Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы.
- Олсон М. (2013). Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство.
- Ореховский П.А. (2020). Институциональные условия ловушки среднего дохода (на примере России) // Journal of Institutional Studies, 12(2), 038-049. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.038-049.
- Паппэ Э.Ш. (2000). «Олигархи». Экономическая хроника 1992–2000. М.: ГУ ВШЭ.
- Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы: Препринт. М.: ЦЭМИ РАН и РЭШ.
- Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. №3. С. 24–50.
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Попов Г.Х. (1990). Блеск и нищета административной системы: Сб. ст. М.: ПИК.
- Пребиш Р. (1992). Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА.
- Программа 500 дней. Яблоко. <https://www.yabloko.ru/Publ/500/500-days-about.html> (дата обращения: 30.04.2025).
- Самуэльсон П. (1964). Экономика: Вводный курс. М.: Прогресс.

- Соколов М., Титаев К. (2013) Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. №19. С. 239–275.
- Социальный либерализм (2016) / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. М., СПб.: ИЭ РАН, Алетейя.
- Фишман Л., Мартыянов В., Давыдов Д. (2019). Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: ИД ВШЭ.
- Шарп Дж. (2005). От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство.
- Шаститко А.Е., Моросанова А.А. (2024). Дорогая бесплатность // Вопросы теоретической экономики. №2. С. 56–72. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_56_72.
- Шаститко А.Е., Моросанова А.А., Маркова О.А. (2022). Экономика внимания: вопросы применения // Вопросы теоретической экономики. №1. С. 7–23. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_7_23.
- Экономика переходного периода: Очерки экон. политики посткоммунистической России, 1991–1997 (1998) / Ин-т экон. пробл. переход. периода; рук. авт. кол.: Е.Т. Гайдар и др. М.: Ин-т экон. проблем переход. периода.
- Ярошевский Б.Е. (1973). Теория периферийной экономики. М.: Мысль.
- Hirschman A.O. (1958). The Strategy of Economic Development Revisited. New Haven: Yale University Press.
- Kuznets S. (1955). Economic Growth and Income Inequality // The American Economic Review. Vol. XLV. No. 1. Pp. 1–28.

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

П.А. Ореховский

РОССИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ (1985–2008)
В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ
«ПЕРИФЕРИЙНОГО КАПИТАЛИЗМА»

Оригинал-макет — *Валериус В.Е.*
Редактор — *Полякова А.В.*
Компьютерная верстка — *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 11.08.2025 г.
Заказ № 15. Тираж 300. Объем 2,3 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0794-5

9 785994 007945 >